

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АННЫ АХМАТОВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ANNO DOMINI»)

Е. В. Метлякова

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

На материале сборника «Anno Domini» Анны Ахматовой рассматриваются лексические повторы, выполняющие в стихотворениях различные функции: текстообразующую, семантическую, эмоционально-экспрессивную и интонационно-ритмическую. Повторы на всех уровнях художественного произведения позволяют расширить смысловое пространство текста, усилить его эмоциональное звучание, воспроизвести нужные интонации, тем самым объединяя текст в единое целое.

Ключевые слова: *Анна Ахматова, художественный текст, лексический повтор, функции повтора.*

Повтор традиционно называют одним из основных средств, которое появляется (и проявляет себя) на всех уровнях текстового пространства, формируя структурно-смысловое, эмоционально-экспрессивное и интонационно-ритмическое единство текста. Исключительно важную роль играет лексический повтор, наделенный в поэтическом произведении самыми разными эмоционально-экспрессивными свойствами.

Любой повтор организует текст, являясь приемом, который обеспечивает целостность художественного произведения, его связность, — другими словами, реализует в первую очередь текстообразующую функцию: лексический повтор объединяет текст в единое целое, скрепляя его, композиционная оформленность выступает в качестве критерия отграничения текста от цепочки предложений [14]; повторы «тематически и грамматически связывают компоненты высказываний, межфразовых единств» [5. С. 56]. При этом следует отметить, что только связующее значение повторы имеют редко.

Повторы неизбежно возвращают читателя к антецеденту, вынуждают соотносить те части, которые имеют в своем составе повторяющиеся элементы. Лексические повторы значительно увеличивают смысловое пространство художественного текста, так как, соединяя в произведении данную мысль с предыдущей, обогащают последнюю новыми смыслами, значениями: «Повторяющиеся слова и значения или семы, то есть компоненты значений, несут главную художественную информацию, поддерживаются разными типами выдвижения, являются ключевыми и образуют тематическую сетку» [2. С. 7].

Обычно в тексте повторно воспроизводится не случайно выбранное автором слово/словосо-

четание, а то, которое несет смысловую нагрузку, отмечено логическим ударением. Соединяя текст в единое целое, скрепляя его, повтор при этом реализует и смыслообразующую функцию: повторяемое слово заостряется, акцентируется, получает дополнительную коннотативную нагрузку, что приводит к содержательной сложности слова [11; 15].

Повтор выполняет интонационно-ритмическую функцию: создавая особую мелодику речи и определенный ритм, данный прием содействует интонационно-смысловому членению поэтического текста и ритмо-мелодической организации его частей [8].

Кроме того, лексический повтор — проверенный временем и постоянным использованием «способ экспрессивного выделения, подчеркивания, фиксации внимания» [7. С. 126], высвечивает художественную идею текста, создает предпосылки для обнаружения индивидуально-авторских смыслов, способствует появлению подтекста, реализует «эстетическую функцию создания симметричности стиха» [17. С. 57], увеличивая эмоциональное влияние художественного произведения на читателя.

Повтор в художественном тексте нередко играет эмоционально-экспрессивную роль: он признан одним из самых постоянных *эмоционально-экспрессивных* [курсив наш. — Е. М.] средств связи, которые способствуют реализации основной — текстообразующей — роли [1. С. 22—23]. В поэтическом произведении повторенный элемент обязательно будет сильнее первого употребления в тексте.

Таким образом, лексические повторы, которые встречаются в художественном (в частности, поэтическом) произведении, могут реализовывать в нем следующие задачи:

1) текстообразующая, или композиционная; лексические повторы в этом случае служат внешним показателем проявления внутренней связности речи [10]. В некоторых примерах повтор как реализует связи внутри конкретного произведения, так и участвует в создании межтекстовых связей внутри сборники, цикла, между текстами разных авторов;

2) смыслообразующая, или семантическая, которая проявляется в уточнении антецедента. Данная первичная, по мнению В. Г. Гака, функция [6. С. 26] дает возможность автору выбрать нужное слово: «кажущееся повторение одного и того же смысла, в действительности же развитие первоначальной идеи» [16. С. 45]. Автор, ищущий возможность свети к минимуму однообразию, начинает употреблять повторы с целью привести в текст необходимые пояснения. Лексическим повтором можно отметить значимое для текста слово/словосочетание, заострить на них внимание: «Повторы разного типа — это смысловая ткань большей сложности, которая накладывается на общеязыковую ткань, создавая особую, присущую лишь стихам концентрацию мысли» [12. С. 135—136];

3) интонационно-ритмическая: повторы моделируют и воспроизводят разговорные, ораторские, публицистические интонации, проецируются в смысловую плоскость художественного произведения, сдерживая или ускоряя темп, мелодику стиха;

4) эмоционально-экспрессивная, или усилительная-выделительная; Н. Ф. Пелевина считает данные повторы повторами в эмфатических целях (для эмоциональной напряженности, выразительности речи) [16. С. 45], они являются одним из главных стилистических приемов для достижения экспрессивности речи.

Следует обозначить, что текстообразующую функцию лексические повторы реализуют постоянно. Данная функция признается центральной, главной. Однако в поэтическом произведении на эту функцию наслаиваются остальные: пространство художественного текста сжато — текстообразование осуществляется через смысл, интонации, эмоции. Поэтому композиционная функция начинает реализовываться в смыслообразующем, эмоционально-экспрессивном и интонационно-ритмическом значениях.

Таким образом, лексический повтор — это «функционально обусловленное (намеренное) тождественное или противоположное воспроизведение употребленного в тексте слова или кон-

струкции, которое связывает текст в единое целое и служит средством расширения смыслового, эмоционального и интонационного пространства текста» [13. С. 42], это «способ экспрессивного выделения, подчеркивания ключевых слов, фиксации внимания, прием яркого градационного эффекта» [Там же. С. 41].

Обратимся к сборнику А. А. Ахматовой «Anno Domini» и рассмотрим, как названные выше функции лексических повторов проявляют себя в стихотворениях поэта.

Повторы могут интонационно поддерживать содержание стихотворения, имитируя интонации некоторых фольклорных жанров, в частности молитвы или колыбельной.

Далеко в лесу огромном,
Возле синих рек,
Жил с детьми в избушке темной
Бедный дровосек.
Младший сын был ростом с пальчик, —
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать.
Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.
Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.

[3. С. 173]

Стихотворение «Колыбельная» композиционно делится на две части: 1 — собственно колыбельная маленькому сыну лирической героини (ЛГ), 2 — размышления ЛГ о ее муже, отце ребенка. Первая часть отвечает всем канонам этого фольклорного жанра: мать рассказывает ребенку сказку, чтобы он быстрее заснул. Здесь можно заметить характерные особенности фольклорного жанра колыбельной: особая ритмичность, лексические повторы, убаюкивающие ребенка: спи — спи.

Эта сказка — литературная обработка известной сказки Ш. Перро «Мальчик-с-пальчик». Несмотря на то что критиками отмечено существенное влияние русского фольклора на творчество Анны Андреевны, жанр колыбельной нехарактерен для поэтессы. Возможно, потому что для А. Ахматовой оказалось трудным совмещать роли поэта и матери. И она этого не скрывает: «Я дурная мать». По воспоминаниям современников, сын А. Ахматовой и Н. Гумилева почти сразу после рождения был отдан на попечение матери Н. Гумилева Анне

Ивановне. Именно фразой «Я дурная мать» знаменуется переход ко второй части. Сказка кончилась, лирическая героиня не может отвлечься от реальности, мысли ее обращаются к отцу ребенка, ее мужу, ушедшему на войну.

О нелегкой судьбе мужа-воина говорят последние две строки третьей строфы: «Подарили белый крестик». Учитывая ссылку на святого Егория (Георгия) в конце стихотворения, можно сделать вывод, что белый крест — это описание ордена Георгия Победоносца (святого Георгия) — покровителя воинов, защитников Родины. Три из четырех степеней этого ордена имели отличительный знак: крест, покрытый белой эмалью и обрамленный золотом. Как известно, первый муж А. Ахматовой Н. Гумилев в 1915 г. был награжден орденом Георгия Победоносца 3-й степени, знак (белый крест) этой степени носили на шее на георгиевской ленте. В таком виде он действительно мог напоминать ЛГ нательный православный крест.

Лирическая героиня просит святого Георгия уберечь мужа от опасности. Тройной повтор слова «горе» указывает на отчаяние ЛГ, которое сильнее ее любви к сыну, потому что заставляет ее прервать сказку-колыбельную, поэтому она полна раскаяния («Я дурная мать»), но страх за мужа оказывается сильнее. Однако употребление эпитеты — практически идентичных повторов в двух последних строфах «Твоему отцу — Твоего отца» — говорит, что лирическая героиня все же надеется увидеть мужа живым.

Вторая часть стихотворения по форме далека от колыбельной, это, скорее, молитва. В этом случае отсылка к кресту Святого Георгия как к нательному кресту приобретает иной, не связанный с войной смысл. Молитва — шаблонный, принятый за образец канон, который произносится, когда нужно обратиться за поддержкой или защитой к Богу и другим личностям, чтимым за праведность, святость. Так как молитва является традиционным, общепринятым текстом, то для ее частного воспроизведения необходимо было обеспечить ее запоминаемость даже в минуты душевной тревоги, страха, отчаяния. Поэтому молитва, как и колыбельная, отличается особым ритмом. Ритмизацию прежде всего обеспечивают лексические и синтаксические повторы.

В августе 1921 г. Анна Ахматова пишет стихотворение «Тебе покорной?». Биографически оно относится к отрезку жизни, когда поэтесса была замужем за ученым-востоковедом В. К. Шилейко,

обладавшим нелегким характером. Именно Владимиру Казимировичу и посвящено данное стихотворение.

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
 Покорна я одной Господней воле.
 Я не хочу ни трепета, ни боли,
 Мне муж — палач, а дом его — тюрьма.
 Но видишь ли! Ведь я пришла сама...
 Декабрь рождался, ветры выли в поле,
 И было так светло в твоей неволе,
 А за окошком сторожила тьма.
 Так птица о прозрачное стекло
 Всем телом бьется в зимнее ненастье,
 И кровь пятнает белое крыло.
 Теперь во мне спокойствие и счастье.
 Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
 За то, что в дом свой странницу пустил.

[З. С. 148]

Уникальность стихотворения заключается в том, что, будучи по форме сонетом, оно прямо противоположно по содержанию его традиционной тематике (можно вспомнить наиболее ярких поэтов, отдавших дань классической литературной форме: Шекспира, Данте, Петрарку, Мильтона, Вордсворта и др.). Исследователи этого жанра выделяют основные признаки сонета:

1) строгая структура: 14 строк — первыми идут два четверостишия (катрена), потом два трехстишия (терцета);

2) сохранение одного эмоционального тона на протяжении всего сонета;

3) трагизм, отмечавшийся И. Р. Бехером в качестве важной характеристики содержания сонета: «Сонет потому является трагической формой поэзии, что он каждый раз снова и снова противоречит себе и опровергает себя в четырнадцатистрочнике» [4. С. 416];

4) отсутствие повтора слов — это практически каноническое требование отмечают сразу несколько исследователей [9; 18].

Классический сонет не только по своей структуре, но и по содержанию делится на две части: два катрена — завязка и кульминация, два терцета — развязка и эпилог. При этом эмоциональная напряженность сонета нарастает к его концу и разрешается в развязке, чаще драматической или трагической.

Несмотря на формальное соблюдение структуры сонета, стихотворение «Тебе покорной?» по содержанию прямо противоположно традиционным требованиям к этому жанру: драма развивается в первых трех строфах, последняя строфа —

счастливая, а не драматическая развязка: теперь во мне спокойствие и счастье... Лирическая героиня уходит от мужа, в ее душе наступает покой. Таким образом, эмоциональный тон произведения меняется к последней строфе: от гнева и ярости к спокойствию и благодарности за приют (для сравнения: палач, тюрьма — мой тихий, ты мне вечно мил).

Последний канон сонета также нарушен неоднократным употреблением лексических повторов: покорной — покорна, воля — неволя, дом — дом.

Если последние две пары употреблены не просто дистантно, они находятся в первой и последней строфах, кольцом обрамляют текст, то первая пара повторов расположена в первых двух строках не случайно. Это говорит о глубоком эмоциональном напряжении лирической героини. Покорность мужу нестерпима для нее больше, чем просто отсутствие любви. Второй строфой, очень показательно начинающейся с противительного союза «но», ЛГ оправдывает себя тем, что вынужденно вошла в дом мужа, спасаясь от невзгод («Декабрь рождался, ветры выли в поле, // И было так светло в твоей неволе, // А за окошком сторожила тьма»). Героиня сравнивает себя с раненой птицей, бьющейся в окно в зимнее ненастье. Следовательно, употребление повторов «воля — неволя» указывает на иной, дополнительный оттенок смысла слова «воля» в словосочетании «Господней воле»: не в значении «власть» (чь?) Господа, а в значении «свобода» от того, что связывает, препятствует жизни, развитию.

Повтор слова «дом» в первой и последней строфах важен для понимания стихотворения. Из воспоминаний современников А. Ахматовой знаем, что она долгое время не имела своего собственного жилья, жила у мужей, у знакомых, только в зрелом возрасте получила возможность жить в своем маленьком доме, приобрела тихий уголок.

Как было отмечено выше, эмоциональное состояние лирической героини меняется от раздражения и гнева в начале до счастья и спокойствия в конце. Счастье и спокойствие — это то, чего не хватает ЛГ, к чему она стремится больше, чем к сжигающей страсти и любви. Повтор слова «дом» в данном контексте («спокойствие и счастье», «ты мне вечно мил», «дом свой») говорит о мечте героини о собственном доме, тихом, спокойном уголке, где она сама себе хозяйка.

В этом смысле обращение к форме сонета как к чрезвычайно лирическому жанру, любимому

многими известными поэтами, говорит, вероятно, о желании лирической героини вырваться из тесного бытового плена к творчеству, уйти от роли покорной жены, вернуться к миссии поэта.

Таким образом, повторы в стихотворении «Тебе покорной?», скрепляя текст в одно целое, выполняя текстообразующую функцию, усиливают эмоциональный фон художественного произведения, расширяют смысловое пространство текста.

Стихотворение «Небывалая осень построила купол высокий...» написано в 1922 г.

Небывалая осень построила купол высокий,
 Был приказ облакам этот купол собой
не темнить.

И дивилися люди: проходят сентябрьские
сроки,

А куда провалились студёные, влажные дни?..
 Изумрудную стала вода замутненных каналов,
 И крапива запахла, как розы, но только

сильней,

Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских
и алых,

Их запомнили все мы до конца наших дней.

Было солнце таким, как вошедший в столицу
мятежник,

И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
 Что казалось — сейчас забелеет прозрачный

подснежник...

Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу
моему.

[3. С. 157]

К 1922 г. Анна Ахматова подошла, перенеся тяжелые личные потери: расстрел первого мужа — Н. С. Гумилева, трудное расставание со вторым мужем — В. Шилейко («Тебе покорной? Ты сошел с ума!»). Нелегкой была и историческая обстановка: страна переживает страшные последствия Гражданской войны и революции.

Не случайно, на наш взгляд, для стихотворения выбран пятистопный анапест: трехсложная стопа медлительна, тягуча и умиротворенна. Это почти гомеровский размер, отсылающий к «Илиаде» и «Одиссее», к эпохе, когда время текло неспешно, как мед из бутылки: «Золотистого меда струя из бутылки текла...» О. Мандельштам также обращается к этому размеру в сложные революционные годы, как к попытке упорядочить жизнь, вернуть ее в спокойное, привычное русло.

Содержание стихотворения «Небывалая осень построила купол высокий...» — это описание природы: 11 строк из 12 посвящены этому времени года, последняя строка — это описание

неожиданной встречи с Ним. Таким образом, композиционно его можно разделить на две части по содержанию.

Осень в описании лирической героини больше похожа на весну: чистое безоблачное небо («купол высокий», «приказ облакам этот купол собой не темнить»), сладко пахнущая крапива, яркое, совсем не осеннее солнце. Этим удивлены все, не только ЛГ. Казалось бы, такая «небывалая осень» — это чудо, подарок судьбы. Однако это радостное ощущение содержится только в первых шести строках. Описание природы в следующей половине стихотворения создает тревожное чувство: зори нестерпимые и бесовские, солнце как мятежник, вошедший в столицу, униженно и жадно ласкающаяся к нему осень. Так нарастает напряжение не избалованной подарками судьбы лирической героини. Чего ей ждать: чуда, счастливой встречи или снова удача и страданий?

Дистантный повтор слова «осень» — в начале и конце описания природы — позволяет предположить, что это не только время года как природное явление, но и закат молодости героини, которая пережила не одну личную драму, но искренне и робко снова надеется на весенний расцвет, встречу с любимым человеком, несмотря на тревожащие отголоски прошлых потерь.

Именно поэтому в последнем повторе осень весенняя. Употребление оксюморона не случайно: новая встреча может обернуться и нежной весной, и холодной ненастной осенью. Лирическая героиня достаточно перенесла, ее сердце жаждет покоя. В свете всего этого, вероятно, купол — это не только небо, но и некая твердь, защита, в которой нуждается ЛГ. Употребление повтора слова «купол» в двух соседних строках это только подтверждает.

В описании природы трижды встречается повтор: был — было — было. Употребление этого глагола в прошедшем времени, да еще неоднократно, на наш взгляд, говорит о том, что лирическая героиня хочет забыть прошлые потери, то, что было, повторяя, как заклинание: это

«было-было». ЛГ искренне хочет возродиться к новой, счастливой жизни. Данная смыслообразующая функция повтора усиливается в последней строке описания природы: «сейчас забелеет прозрачный подснежник». Первый весенний цветок — символ хрупкой («прозрачной») надежды на лучшее будущее.

И именно в этот момент, когда измученная душа лирической героини открыта, к ее крыльцу подходит долгожданный герой. Его внешность, внутренние качества не так значимы для ЛГ, он описан единственным словом «спокойный» — это очень важно для лирической героини, ищущей покоя и счастья. Следовательно, повторы в стихотворении «Небывалая осень построила купол высокий...» фокусируют внимание на важных смысловых точках стихотворения: героиня, желающая оставить в прошлом потери и удары судьбы, ждет встречи, которая подарит ей спокойствие и защиту.

Таким образом, в сборнике А. А. Ахматовой «Anno Domini» повторы играют текстообразующую роль, которая проявляет себя в трех функциях: смыслообразующей, эмоционально-экспрессивной и интонационно-ритмической. Повторы интонационно поддерживают содержание стихотворения, обеспечивая его ритмизацию, указывают на эмоции лирической героини (например, ее отчаяние), аккумулируют смысловые центры стихотворения. Нередко в одном произведении повторы выполняют сразу две функции.

Лексические повторы можно считать одним из главных способов создания целостного текста, в том числе художественного, а конкретное смысловое и экспрессивное содержание, необычные интонация и ритм оказываются немаловажным стилистическим приемом, который может воплотить индивидуально-авторские замыслы.

Повторяющиеся слова являются важнейшим структурным средством организации текста, а семантическое и эмоциональное наполнение, особая интонация — важнейшим стилистическим средством, реализующим индивидуально-авторские особенности.

Список литературы

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка). М.: Высш. шк., 1984. 212 с.
2. Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка // Текст как объект комплексного анализа в вузе: сб. ст. / Ленинград. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена; редкол.: И. В. Арнольд, В. К. Тарасова. Л., 1984. С. 3—11.

3. Ахматова А. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. 448 с.
4. Бехер И. Р. О литературе и искусстве. М.: Худож. лит., 1981. 527 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2004. 280 с.
6. Гак В. Г. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного: сб. ст. / редкол.: А. М. Шахнарович, Н. В. Мощинская. М., 1987. С. 24—33.
7. Иванчикова Е. А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке: сб. ст. / под ред. А. А. Виноградова; сост. А. Н. Кожин. М., 1969. С. 126—139.
8. Иванчикова Е. А. Об изобразительных возможностях синтаксических средств в художественном тексте // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография: Виноградовские чтения IX—X / редкол.: Н. Ю. Шведова, В. В. Иванов, М. В. Ляпон. М., 1981. С. 92—110.
9. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Совет. энцикл., 1966. 376 с.
10. Ключкова Е. А. Стилистические функции повторной номинации в структуре художественного текста (на материале двух рассказов В. М. Шукшина) // Слово в художественной речи: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. Д. Пятницкий. Владимир, 1985. С. 63—70.
11. Купина Н. А. Структурно-смысловой анализ художественного произведения. Свердловск: УрГУ, 1981. 92 с.
12. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ., 2000. 704 с.
13. Метлякова Е. В. Лексический повтор как семантико-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2011. 230 с.
14. Москальская О. И. Грамматика текста. М.: Высш. шк., 1981. 183 с.
15. Некрасов А. С. Повторная номинация как средство создания символа в структуре художественного текста (на материале повести Н. В. Гоголя «Невский проспект») // Проблемы русского языка и методики его преподавания: межвуз. сб. науч.-метод. ст. / под общ. ред. А. Ф. Калинина. Балашов, 2004. С. 49—52.
16. Пелевина Н. Ф. Стилистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, 1980. 272 с.
17. Соколова Н. К. Слово в русской лирике начала XX века: из опыта контекстологического анализа. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 160 с.
18. Холшевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2001. 208 с.

Сведения об авторе

Метлякова Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия. mev.77@mail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 106—113.*

REITERATION IN ANNA AKHMATOVA'S WORKS (A CASE STUDY OF THE ANNO DOMINI COLLECTION)

E. V. Metlyakova

Udmurt State University, Izhevsk, Russia. mev.77@mail.com

This article based on Anna Akhmatova's collection *Anno Domini* considers reiteration that performs various functions in a poem, such as text-forming, semantic, emotionally expressive and intonational-rhythmic ones. Repetitions at all levels of the work of art provide a means to expand the semantic space of a text, to enhance its emotional sound, to reproduce the right intonations thereby combining the text into an integral whole. Reiteration is traditionally considered to be one of the key means that appears (and manifests itself) at all levels of the text space. Repetitions intonationally entrench the content of the poem ensuring its rhythmicity, indicate

emotions of the lyrical heroine (for example, her despair), as well as accumulate semantic centers of the poem. Repeating words is the most important structural means of the text organization whereas a specific semantic and emotional content along with a special intonation are the most important stylistic means that implement the author's writing specifics.

Keywords: *Anna Akhmatova, literary text, reiteration, reiteration functions.*

References

1. Aleksandrova O. V. (1984) Problemy ekspressivnogo sintaksisa (na materiale angliyskogo yazyka) [Issues of Emphatic Syntax (on the Material of the English language)]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ. 212 p. [in Russ.].
2. Arnold I. V. (1984) Leksiko-semanticheskoye pole v yazyke i tematicheskaya setka teksta [The Lexical and Semantic Field in the Language and the Thematic Net of the Text]. Arnold I. V., Tarasova V. K. (eds.) Tekst kak objekt kompleksnogo analiza v vuze [Text as an Object of Complex Analysis at University. Collected Papers]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute named after Herzen Publ. Pp. 3—11 [in Russ.].
3. Akhmatova A. A. (1990) Sochineniya v 2 t. T. 1 [Written Works in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ. 448 p. [in Russ.].
4. Bekher I. R. (1981) O literature i iskusstve [About Literature and Art]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ. 527 p. [in Russ.].
5. Valgina N. S. (2004) Teoriya teksta [Text Theory]. Moscow, Logos Publ. 280 p. [in Russ.].
6. Gak V. G. (1987) Povtornaya nominatsiya, eyo strukturno-organizuyushchiye i stilisticheskiye funktsii v tekste [Secondary Naming, its Structurally-Organizing and Stylistic Functions in the Text]. Shakhnarovich A. M., Moshchinskaya N. V. (eds.) Lingvisticheskiye i metodicheskiye problemy prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo [Linguistic and Methodological Issues of Teaching Russian as a Second Language. Collected Papers]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ. Pp. 24—33 [in Russ.].
7. Ivanchikova E. A. (1969) Leksicheskiy povtor kak ekspressivnyi priyem sintaksicheskogo raspredeleniya [Reiteration as an Expressive Technique of Syntactic Distribution]. Vinogradov A. A. (ed.) Mysli o sovremennom russkom yazyke [Thoughts on the Modern Russian Language. Collected Papers]. Moscow. Pp. 126—139 [in Russ.].
8. Ivanchikova E. A. (1981) Ob izobrazitelnykh vozmozhnostyakh sintaksicheskikh sredstv v khudozhestvennom tekste [On Visual Possibilities of Syntactic Means in a Literary Text]. Shvedova N. Yu., Ivanov V. V., Lyapon M. V. (eds.) Russkiy yazyk. Problemy khudozhestvennoy rechi. Leksikologiya i leksikografiya: Vinogradovskkiye chteniya IX—X [The Russian Language. Issues of the Art Speech. Lexicology and Lexicography. Vinogradov Readings IX — X]. Moscow. Pp. 92—110 [in Russ.].
9. Kvyatkovsky A. P. (1966) Poeticheskiy slovar' [Poetic Dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ. 376 p. [in Russ.].
10. Klochkova E. A. (1985) Stilisticheskiye funktsii povtornoj nominatsii v strukture khudozhestvennogo teksta (na materiale dvukh rasskazov V. M. Shukshina) [Stylistic Functions of the Secondary Naming in the Structure of the Literary Text (on the material of two stories by Shukshin V. M.)]. Pyatnitsky V. D. (ed.) Slovo v khudozhestvennoy rechi [A Word in the Art Speech. Interuniversity Collected Papers]. Vladimir, Vladimir State Pedagogical Institute named after Lebedev-Polyansky. Pp. 63—70 [in Russ.].
11. Kupina N. A. (1981) Strukturno-smyslovoy analiz khudozhestvennogo proizvedeniya [Structural and Semantic Analysis of the Work of Art]. Sverdlovsk, Ural State University Publ. 92 p. [in Russ.].
12. Lotman Yu. M. (2000) Ob iskusstve [About Art]. St. Petersburg, Iskustvo St. Petersburg Publ. 704 p. [in Russ.].
13. Metlyakova E. V. (2011) Leksicheskiy povtor kak semantiko-stilisticheskaya kategoriya liricheskogo teksta v rannem tvorchestve Anny Akhmatovoy [Reiteration as a Semantic-Stylistic Category of the Lyrical Text Organization in the Early Works of Anna Akhmatova. Thesis]. Izhevsk. 230 p. [in Russ.].
14. Moskalskaya O. I. (1981) Grammatika teksta [Grammar of the Text]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ. 183 p. [in Russ.].
15. Nekrasov A. S. (2004) Povtornaya nominatsiya kak sredstvo sozdaniya simvola v strukture khudozhestvennogo teksta (na materiae povesti N. V. Gogolya «Nevsky Prospekt») [Secondary Naming as a Means of Cre-

ating a Symbol in the Structure of the Literary Text (on the material of N. V. Gogol's Work 'Nevsky Prospect')). Kalinina A. F. (ed.). Problemy russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya [Issues of the Russian Language and its Teaching Methods. Interuniversity Collected Paper Works]. Balashov, Saratov State University named after Chernyshevsky. Pp. 49—52 [in Russ.].

16. Pelevina N. F. (1980) Stilistichesky analiz khudozhestvennogo teksta [Stylistic Analysis of the Literary Text]. Leningrad, Prosveshcheniye Publ. 272 p. [in Russ.].

17. Sokolova N. K. (1980) Slovo v russkoy lirike nachala XX veka: iz opyta kontekstologicheskogo analiza [A Word in the Russian Lyrics of the Early Twentieth Century: Based on the Experience of the Contextual Analysis]. Voronezh, Voronezh University Publ. 160 p. [in Russ.].

18. Kholshchevnikov V. Ye. (2001) Osnovy stikhovedeniya: Russkoye stikhoslozheniye [Fundamentals of Poetry: Russian Versification]. St. Petersburg, Philological Department of St. Petersburg State University Publ. 208 p. [in Russ.].